

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ТЫЩЕНКО

Профессор Новосибирского государственного педагогического университета.

Постоянный автор альманаха.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ АНТРОПОЛОГИИ И АНДРОГИНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТОВ¹

Первый диалог показал, что мы плохо поняли друг друга в споре по действительно «основному вопросу философии», причем именно в том обличье, которое он сейчас принимает в России.

И это к счастью: теперь возможен и оправдан сдвиг с содержания на форму, на средства общения, на язык и коммуникативные жанры, потому что корни непонимания связаны именно с формой. Конечно, проблемы непонимания можно было бы рассматривать на опыте чужих ошибок, но лучше на собственном опыте.

Правда, я думаю, что непонимание наше еще не достигло пика зрелости, поэтому пусть второй раунд не облегчит, а усложнит взаимопонимание. Но это тактически. Стратегически – наоборот. О какой стратегии идет речь? О стратегии перевооружения на уровне языка и речевых жанров. Об идее дополнения «Проективного философского словаря» Эшштейна и Тульчинского «Философской гендерной протоэнциклопедией». Идею я проиллюстрирую на примере одного слова: «**андрогинизация**» (мужчин, женщин, институтов).

По содержанию мы споткнулись на гендерной проблематике. Меня не устроил в «Человеке перехода» автоматизм речи: Под «человеком» Вы понимали и мужчин, и женщин, но отсутствие существительных женского и среднего рода, производных от слова «человек», Вас не смущало.

Для меня же такой автоматизм речи – свидетельство непреодоленного «*фаллоцентризма*» [4], то есть привычки прилагать к людям женского и среднего (допубертатного и послеклимактического возрастов) мужской аршин. Это небезобидно в эпоху агонии патриархата и истерии неоматриархата. Мы сохраняем почву фрейдовского мифа женщины, как мужчины без пениса. Зеркальный феминистический вариант той же ошибки (*коллоцентризм*, см. [4]): понимание мужчины, как

¹ Продолжение диалога со С.А.Смирновым (начало см. в: *Тыщенко В.П., Смирнов С.А. Посреди ЧП, «Человек перехода» // Человек.RU. – 2005).*

женщины без вульвы, без матки. Точно так же «третий пол», детей и стариков можно описать как незрелую или перезрелую взрослость.

Такой «Человек перехода», беззаботно употребляющий слово человек не только там, где имеется в виду Он, но и там, где имеется в виду Она и Оно – это взрослый белый европеец. Маскулинист.

Точно так же как феминизм первоначально был феминизмом взрослой белой европейской женщины. Это мужское и женское меньшинство видело себя лидером землян; большинство же видело в меньшинстве скорее вырождение (богатые северяне с жиру бесятся), хотя и привлекательное (Запад гниет, но при этом как хорошо пахнет).

В первом диалоге осталось непонятым, что моя критика Смирнова есть также самокритика. Перечитывая наш диалог, я поражаюсь тому, насколько робка и непоследовательна моя попытка перестать быть рабом фаллоцентризма, как слаб мой иммунитет против соблазна стать рабом коллоцентризма. А ведь рассудочно я сторонник срединной культуры диалога между крайними фаллоцентристами и коллоцентристками. Но непоследовательный. Понимаю, что моя попытка написать текст более последовательно увеличит трудности понимания моего текста. Но истина и искренность дороже, друг Сергей.

Конечно, как фаллоцентрист я нахожусь в приличной и обширной компании. Фаллоцентрична литература современных феминисток и феминистов. Фаллоцентрична статья «Колло (вульво-, вагино-)центризм» в [4]. Фаллоцентричны не только живые естественные языки индоевропейской семьи, но также древнегреческий и латынь, их системы речевых жанров.

Полностью преодолеть этот маскулинизм, эту патриархатность без революции в межъязыковых и внутриязыковых отношениях невозможно. Но все же сделать шаг вперед я попытаюсь. Раб, борющийся за освобождение, уже не раб, даже если освобождение еще не завоевано.

Именно поэтому я буду *сознательно спотыкаться* на основных проявлениях фаллоцентризма в этом моем гетерогендерном стереодискурсе. Я буду сознательно искать более подходящие неологизмы не в надежде, что именно они войдут в обиход, а просто, чтобы поставить задачу их поиска или генерации. Это будет потруднее, чем задача Ломоносова по созданию на базе русского языка научной терминологии. Та задача не требовала преодоления маскулинизма ни в латинском, ни в немецком, ни в английском, ни в русском языках.

По форме – дело в словаре (хотя и не только в словах, но также в невербальных средствах общения). Именно поэтому я говорю не о Словаре, а об Энциклопедии вербальных и невербальных средств философской рефлексии.

Начнем, однако, именно со словаря

Нам мешал, с одной стороны, словарь соционики, который Вас раздражал, а мне стал своим. С другой стороны, мешало то, что даже словами, привычными для обоих, мы пользовались в различных значениях и ради различных осмысленных целей.

Поискем пути взаимопонимания, а, следовательно, сотрудничества, не пытаюсь при этом превратить партнера в своего Двойника вместо Своего Другого, дополняющего. Преодоление Двойника, по Ухтомскому, есть условие обретения Заслуженного Собеседника.

Начну с хорошего Харьковско-Питерского учебника 2001 года [2].

Здесь хорошо видно, как трудно преодолевать фаллоцентризм языка и речевого жанра.

Название – «Введение в гендерные исследования». Но исследования ближе к мужскому гендеру. Разумеется, женщины могут быть и бывают исследовательницами, хотя их доля и роль падает при восхождении по вертикали в пирамиде научных кадров к тем научным работникам, которые двигают науку вперед (около 2–3%) и тем, которые их понимают, критикуют и развивают инициированные ими научные инновации (менее 10%). Однако по мере развития во времени самой пирамиды научных кадров, доля и роль женщин возрастает на всех уровнях. И этот процесс лишь набирает силу.

Но женщины в науке могут играть роль не только исследовательниц. Все более важную роль играют проблемы экологической и этической экспертизы научных инноваций, ускорение темпов проникновения новых научных идей в систему образования и в практику, проблемы самопознания и самоорганизации научных институтов. Научная интеллигенция без этой работы и далее будет оставаться совокупностью людей «образованных и беспочвенных». Но эта работа требует расширения жанров научной речи. Ю.А.Шрейдер описывал это как переход от классицизма к романтизму в стилях научной речи. Напомню, что именно романтики обратили внимание на необходимость диалога между речевыми жанрами культуры Логоса и речевыми жанрами культуры Дао. А это уже гендерный аспект диалога между Ян (Западом) и Инь (Востоком). Кризис западной аллопатической медицины пилюль и уколов, антибиотиков, к которым вирусы адаптируются быстрее, чем мы успеваем обновлять поколения антибиотиков, усилил интерес к восточной альтернативной медицине: медицине здорового образа жизни, профилактической, целостной. Короче: гендерные ИССЛЕДОВАНИЯ нужно дополнять реализацией результатов исследования в ОБРАЗЕ ЖИЗНИ. Особенно в решающий период внутриутробного развития и в доясельный период. Даже правилам уличного движения сейчас пытаются обучать еще в утробе матери. Во всяком случае – «после трех уже поздно».

Дополнение жанров классицизма жанрами романтизма будет означать, что жанры мужского письма в науке будут дополняться жанрами женского письма. Чем они интересны? Это автобиографии, дневники, мемуары. Здесь тематика дома, семьи, тела, сексуальности выходит на передний план. Это тематика отличия женского стиля управления научными институтами от мужского стиля. Женский стиль характеризуется большим вниманием к межчеловеческим отношениям, мотивации, устойчивому развитию НИИ.

Женские жанры письма входят в группу маргинальных жанров (преступников, больных, меньшинств, аутсайдеров, униженных и оскорбленных). В условиях патриархата женское выступает как иррациональное и виновное. При этом различают феминизм равенства и феминизм различий. Первый делает упор на освоение женщинами дискурса независимости, самоутверждения и самодостаточности. Это такая андрогинизация, которая стремится усилить в женщинах мужские качества. Это делает женщин более независимыми, а гетерогендерное сотрудничество менее необходимым. Что иногда полезно, но в целом расплывает социальные связи. Феминизм различий делает упор на альтернативную форму субъективности, подрыв навязывания женщинам патриархатных табу. Это другая форма андрогинизации. Мужчины и женщины развивают именно то, что им лучше дается, развивая сотрудничество на основах взаимной дополнительности.

Исследования для женского гендера – не доминанта, а субдоминанта. Доминанту можно скорее обозначить как «гендерные переживания».

Итак, более перспективным был бы учебник «Гендерные переживания и гендерные исследования». Тем самым мы бы сделали предметом соотношения мужского ума и женского сердца. Я не упускаю из виду, что к этой теме крайние эссенциалисты и

экзистенциалисты, трансценденталисты и сенсорики-прагматики относятся по типу несовместимости тезиса и антитезиса, отрицая синтез как предательство. Но об этом позже.

Оглавление

Дан обзор обновляющего словарь напора гендерных исследований. Затронуты: политические науки, эпистемология социологии, психология, антропология, философия, культурология, экология, языкознание, литературная критика, «мужские исследования», право, теория и практика современного феминизма. Перед нами перечень «логий».

Явный европоцентризм, причем андроцентризм. Если мы хотим избавиться от андроцентризма, от европоцентризма или азиоцентризма, нам нужно аккуратно обращаться с антиномиями «Логос – Дао, Ум – чувства, рацио – эмоцио, дискретное доказательство – континуальная интуиция и т.п.». В свете сопоставления мужского письма и женского письма, мужской логики и женских чувств придется признать, что кроме логики эпистемы или психики хорошо было бы иметь слово для обозначения переживания эпистемы, социума, антропоса, культуры, экосистемы, языка.

К примеру, что такое предмет нашего спора и взаимонепонимания – «Антропология»? Это антропос + логос, мужчина + логика, андроцентризм, фаллоцентризм в квадрате. Прецедент имеется: есть София, а есть философия, возможны эрософия, агапэсофия. Есть логика, а есть и филология. Почему бы не развивать диалог между антропологией и филантропией/мизантропией, к примеру, расширяя их значения за пределы привычного круга. Ведь уже в ходу термины мизоандрия и мизогиния. Например: «история философии как интеллектуальная история мизогинии» [2, с.390]. Скоро может понадобиться «история феминистической философии как эмоциональная история мизоандрии». Тогда термины «филогиния и филоандрия» могут оказаться знаком света в конце тоннеля, выхода их тупика межгендерных игр с нулевой суммой.

Список авторов

Среди авторов есть не только авторы-феминисты (Сергей Жеребкин), но и феминистки (Ирина Жеребкина, а ее как назвать – авторшей?). «Список исследовательниц и исследователей» смягчил бы ситуацию. Предлагать «Список исследователей и переживательниц» – годится только для эпатажа. Но эпатаж иногда полезен.

И, наконец, придирика к привычной формулировке основного вопроса гносеологии, эпистемологии, к терминам «объект и субъект».

«Проблематизация женской субъективности»

Благое намерение – содействовать превращению женщины из объекта в субъект. То есть реализации категорического императива Канта в отношении к женщинам.

Кант, хотя и холостяк, или же благодаря положению холостяка, различал, как известно, определяющие факты мужской и женской субъективности. Обе построены на чувстве вины. Мужская – на чувстве внутренней вины, совести, женская – на чувстве внешней вины, стыда.

К сожалению, слово субъект не имеет ни женского, ни среднего рода. Придется искать слова иного корня, антонимичные выражению «женщина как объект». К примеру – «личность». Впрочем, это слово не имеет мужского и среднего рода.

В таком случае придется различать субъект-объектную деятельность человека с человеком (манипулирование) и межличностное общение между ними, построенные на самоактуализации партнеров благодаря общению.

Таким образом, вербализация выражения «перестать быть объектом» для мужчины означает становление субъектом, для женщины личностью, для ребенка оно означает превращение из учащегося и воспитуемого в самообучаемую и саморазвивающуюся личность девушки, мужчину – субъекта общения.

Громоздко. Но эта громоздкость – профилактика от мизогинии и мизоандрии, в той мере, в какой их навязывает патриархатный язык. Ибо язык срабатывает за порогом сознания, фильтрует информацию, которая пропускается в сферу сознательного принятия решений (кадровых и прочих).

Статья «Колпоцентризм (вульво-, вагино-центризм)» в [4] полна фаллоцентрических автоматизмов речи.

Уже название вызывает два замечания. Во-первых, колпоцентризм – неполный антоним фал-лого-центризму. Полный мог бы звучать так: вагино-кардио-центризм. Тогда бы оба термина обозначали биполярную природу, *связь гениталий и мозга, как в мужской, так и в женской сексуальности*. Причем чаще всего импотенция и фригидность коренятся не в гениталиях, а в подкорке и коре мозга, в мышлении и чувствах, в опыте межчеловеческих отношений, в пренатальном и раннем детском опыте.

Во-вторых, сопоставление мужского и женского гендера напоминает сопоставление иерархии и сети. Иерархия содержит центр и периферию, подорвать ее легче всего путем подрыва центра. Сеть имеет множество центров, но не имеет единого центра. Война без армий и фронтов. Можно уничтожить отдельные центры – сеть продолжает существовать, воспроизводиться. Женское письмо носит именно такой децентрированный, сетевой характер. Женщины постоянно обсуждают и отслеживают сеть межличностных отношений. Поэтому правильнее было бы говорить не о вагинокардиоцентризме, а о вагинокардиодецентрации, деконструкции мужского иерархического центра. Эта деконструкция сегодня носит характер преимущественно игры с нулевой суммой (причем эту игру мужчины из числа ЛППР проигрывают в одном возрасте за другим). Но они могут и должны обрести кооперативный, синергический характер игры с ненулевой суммой (то есть с возможностью взаимовыгодных решений).

Намеченное выше различие *межсубъектного* общения мужчин и *межличностного* общения женщин влечет за собою пересмотр всего дерева привычных для меня философских вопросов, начиная с основного.

Пересмотр требует СТЕРЕОТЕКСТА, даже СТЕРЕОДИСКУРСА.

«Стереотекст (stereo-text, от греч. stereos (объемный...)) – сочетание разных языков и наложение разноязыких текстов для более рельефного, «слоисто-глубинного» представления одного комплекса идей... В отличие от перевода, стереотекст играет на разности, неэквивалентности языков... если перевод (translation) вычитает... эффект разности, оставляя в остатке эквивалентность двух языков, то стереотекст предлагает скорее свод (integration) языков... Транслингвизм... обновляет саму категорию литературного произведения, которое уже не тождественно одному тексту, но скорее выступает как волновая функция перемещения из языка в язык... (ср. «куматоид» у М.А.Розова) переход от дискретной эстетики к континуальной.

Возможно, стереотекстуальность – это будущее литературы и человеческого общения, когда языки будут служить не заменой, а дополнением один другому...

Отсюда и новые возможности для многоязычия в самых разных жанрах и дисциплинах: стереопоэтика, стереоэстетика, стереофилософия...» [4, с.378–380].

Энциклопедия должна представлять собою стереодискурс из стереодискурсов. Из множества значений слишком модного термина «дискурс» я выберу следующее: дискурс – это такой полифонический текст, в котором не просто представлены

различные точки зрения, но эти точки зрения соотносены с типами субъектов, личностей.

Если точка зрения детерминирована языком (что чаще случается у большинства, у моноглотов), то есть если философы считают, что сущность (заданная языковыми, речевыми автоматизмами) предшествует существованию, я буду их называть *эссенциалистами*.

Если философ, напротив, считает, что человек выбирает язык (для чего нужно быть полиглотом), выбирает отношение к языку, выбирает речевой жанр и отношение к нему, то его я буду называть *экзистенциалистом*: для него существование предшествует выбору сущности.

Если философ центрирован на трансценденции (философский бог), я буду называть его *трансценденталистом*.

Если же он центрирован на адаптации к воспринимаемому «здесь-сейчас-бытию», Dasein, я буду называть его *фрагматиком*.

Если *эссенциалисты и экзистенциалисты, трансценденталисты и фрагматики* устали от войны друг с другом, поняли неуничтожимость «врага», «врагини», если осознали собственную односторонность и необходимость, возможность сотрудничества – я буду говорить о необходимости *синергистов, срединной культуры диалога между крайними*.

Каждая статья в Протоэнциклопедии должна быть стереодискурсом, в котором не будет проигнорирована ни одна из названных точек зрения. И слово им будет предоставлено не для того, чтобы одна из точек зрения «одним махом семерых побивахом», а для того, чтобы нащупать разделение труда на основе вклада каждой из позиций в сотрудничество. Перечисленные ипостаси (философов и философинь) будут представлены как неслиянные и нераздельные.

Эссенциализм связывается с проблемой *пола как биологической сущности*. Суть этой точки зрения заключена в тезисе о том, что половая дифференциация обусловлена биологическим различием мужчин и женщин.

Приведу пример эссенциализма из истории русской философии.

«Есть какое-то тайное, невыразимое, никем еще не исследованное не только соотношение, но полное тождество между типичными качествами у обоих полов их половых лиц (детородных органов) с их душою в ее идеале, завершении... Мужская душа в идеале – твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напиральная, одолевающая... Перейдем к женщине: идеал ее характера, поведения, жизни и вообще очерка души – нежность, мягкость, податливость, уступчивость... Каковы души, таковы и органы...» [5, с.39–40].

Феминистки экзистенциалистского толка критикуют известный тезис: мужчины делают новое, но кое-как. Женщины – не новое, но как следует.

Напротив, культурный релятивизм (или *конструктивизм*) настаивает на том, что даже с учетом биологических различий основное значение имеет процесс социального конструирования сексуальности и полового (тем более гендерного) различия.

Пример: сайбер-феминизм или киберфеминизм, или «Cyborgs and women», «Sybersexulities», «cyberfeminism» [6].

Выделяют три направления:

1. Глобальный феминизм, использующий Интернет.

2. Эпистемологический, образовательный киберфеминизм, «вводящий в научную методологию иронию, игру слов, парадокс, восхищение, цитатность» (короче – постмодернистскую деконструкцию фаллоцентризма) [6, с.135]. Целью деконструкции является выход девушек за пределы роли только пользователей Интернет, «соучаствующий дизайн», «гендерная эмпатия».

3. Наконец, киберфеминизм, киборг-этнография, сайбер-герменевтика сосредоточены на трансформации гендер-образов в Сети (сексуальность не только маскулинная, феминная, но и транс-, би-, гомо- и т.д.), на расширении поля выбора ролей для «cyber girl».

Таково *существование* девушек в Интернете, предшествующее выбору и освоению ими *сущности*.

Впрочем, можно к феномену кибер-феминизма отнести как к альтернативе не только эссенциализма, но и экзистенциализма – как к потенциализму.

На мой взгляд, конструктивизм – техноморфная разновидность экзистенциализма. Но существует также биоморфная его разновидность. Гендер может быть спроектирован и сконструирован, а может быть зачат, рожден и выращен. Наконец, возможен и педоморфный вариант экзистенциализма. Гендер может рассматриваться как продукт воспитания и самовоспитания.

Попробую пояснить сказанное на примере заглавного слова: «*андрогин, андрогиния, андрогинизация* мужчин и женщин».

Андрогиния была ключевой категорией у самого цитируемого в течение двух десятков лет (1967–1986) англоязычного психолога Сандры Липсиц Бем [5]. Имелось в виду успешное сочетание в себе как традиционно мужских, так и традиционно женских психологических качеств: «Но спустя десятилетие она имела научную смелость пересмотреть свои, ставшие чрезвычайно популярными идеи о «гармоничном сочетании мужских и женских качеств в одной личности». Ключевым она сделала альтернативное слово: гендерная схема.

Позиция Бем осталась антиэссенциалистской.

Моя позиция по отношению к эссенциалистскому тезису и экзистенциалистскому антитезису:

1. Эссенциализм и экзистенциализм в гендерной проблематике не просто имеют право на существование, но и необходимы; крайние позиции наиболее энергичны; но крайние позиции имеют тенденцию нарушать меру, поэтому требуется их обуздание, требуется «принуждение к сотрудничеству».

2. Обуздание чрезмерно крайних позиций и обеспечение сотрудничества – функция срединной культуры, задача диалогического синтеза.

Занимая эту позицию, я сохраняю слово «андрогинизация» в качестве ключевого. Но я имею в виду сочетание, синергию мужского и женского не в одной личности (монологический синтез), а, как минимум, в паре (диалогический синтез). На языке Юнга андрогинизация мужчин будет означать освоение культуры диалога Эго мужчины с Анимой в его бессознательном, андрогинизация женщин будет означать освоение культуры диалога Эго женщины с Анимусом в ее бессознательном. Тогда диалог между мужчиной и женщиной выступит как интериоризация и экстериоризация диалога мужчины с Анимой и женщины с Анимусом.

Подобно тому, как в теле мужчины есть и мужские, и женские гормоны, но доминируют мужские, а женские – субдоминантны, точно так же мужской и женский гендер в одной личности могут быть равномошными одновременно. Но в этом случае человек оказывается в позиции Буриданова осла: ему трудно выбрать мужское или женское решение проблемы (скажем, при выборе между борьбой с конкурентом и «женским» поиском взаимовыгодного решения). Если же гендеры распределены не внутри одной личности, а между двумя – мужское и женское решения не блокируют друг друга, а поочередно доминируют в зависимости от фазы цикла (есть время разбрасывать камни, есть время их собирать, есть время борьбы и есть время сотрудничества).

Поэтому использование корней «фаллос» и «колпо, вульва, вагина» при обозначении Ян и Инь полюсов мировой культуры и философии оправдано привлечением внимания к тому факту, что дух, душа и тело (пневма, психея, сома) взаимодействуют, взаимопроникают, выступают как ипостаси нераздельные, но притом неслиянные.

Однако упомянутый Проективный Словарь [4] в этом пункте продуман не до конца: более удачен термин *Фалло-Лого-центризм*, ибо он обозначает биполярность либидо, сексуальной жизни человека: известно, что мужская импотенция часто начинается сверху, с нарушений духа и души и лишь проявляется затем в гениталиях.

Но термин *вагиноцентризм* монополярен, в нем представлены гениталии женщины в отрыве от ее психеи и духа; следуя устойчивому в разных культурах различению мужского ума и женского сердца, достроим этот термин до биполярности: вульво-кардио-центризм. Ибо женская фригидность тоже часто начинается с нарушений духа и души и затем проявляется в гениталиях.

Перспективным мне представляется предложение редакторов и авторов Проективного словаря представить в качестве синтеза эссенциализма и экзистенциализма потенциализм.

Потенциализм выходит за пределы как *эссенциализма*, полагающего бытие самостоятельных сущностей, так и *экзистенциализма*, полагающего в основу всего сущность самого бытия, чистое существование или его отрицание «ничто». «Радикально иное по отношению к «быть» – это вовсе не отрицание («не быть», «ничто»), но «мочь»... можно ожидать, что XXI век... станет веком потенциализма» [4, с.325].

Уберем неудачное выражение «сущность самого бытия», оставив «существование».

Сущность предшествует существованию в классической науке, включая классическую теологию. Существование предшествует сущности со времен Бердяева и Шестова, Ясперса и Хайдеггера, Сартра и Камю. Это все «философия имени», которая без сущности, независимо от того, предшествует она существованию или следует.

А вот крайняя философия предикатов в трактовке Ю.Степанова [7] категорически отрицает категорию сущности в обеих континентальных трактовках: эссенциалистской и экзистенциалистской.

Теперь мы мысленно расположим сущность, а значит и эссенциалистов, слева (место Запада на привычных нам картах). С уточнением: по мере перехода от классической науки через неклассическую в постнеклассическую эссенциалисты все более экзистенциализируются.

Справа имеет смысл разместить экзистенциалистов и особенно экзистенциалисток. Экзистенция внесознательна. Человек обретает ее поэтому в пограничных ситуациях. По отношению к Ян менталитету Запада она напоминает то, что Юнг называл Анимой: центром бессознательного мужчины. Навстречу экзистенциализации эссенциализма намечается эссенциализация экзистенциалистов, особенно экзистенциалисток.

На мосту с двусторонним движением между Ян эссенциалистами и Инь экзистенциалистками я как раз и нахожу место для Потенциалистов. Здесь мне придется позлить Вас соционическим языком. Соционики различают четыре крайне маскулинные типа, четыре крайне феминных типа, четыре типа, переходящих от мужского гендера к женскому и четыре типа, переходящих от женского гендера к мужскому [3].

Такова *троица* Проективного словаря: эссенциализм, экзистенциализм, потенциализм.

Как говорил Юнг: западное сознание устроено триадично. У Гегеля Богу Отцу аналогична Наука логики, Сыну – Философия природы, Духу – Философия духа. Троичен «Капитал» Маркса. Троично мыслит Фрейд: Эго, Ид, Суперэго. Троичность доминирует, хотя и не безраздельно в фаллоцентричном ПФС.

Юнг добавлял: всякий раз как троица восполняется до четверицы – она, четверица, оказывается родом из бессознательного. И предлагал дополнить христианскую мужскую троицу четвертой, женской ипостасью. На языке философии: эссенциализм троичен, его экзистенциализация требует восполнения троицы сначала до четверицы. Что выше и было сделано: эссенциализм – экзистенциализм, трансцендентализм и прагматизм. А потенциализм, институализированный в виде Проблемно-междисциплинарного университета мы поместим в центре пересечения горизонтали и вертикали.

Наконец, добавим третье измерение, **эгональ, временное измерение.**

ПРОШЛОЕ представлено *Постэнциклопедией* гендерной семиотики, обеспечивает наш диалог с наследием *прошлого*. Ближайшим прошлым выступает *антропоцентризм* Нового времени. До него были «темные средние века» *теоцентризма*. Еще более отдаленным прошлым является *космоцентризм* языческой античности. Для Ницше самым ценным в прошлом были досократики. Для Лукьянова самое полное прошлое Греции, Индии, Китая – времена пятичастного креста в качестве картины мира в мифологиях древних Индии, Китая, Греции. Но затем выпал центр пересечения вертикали с горизонталью, затем восходящий патриархат причинил «всемирно-историческое поражение женщине» с переходом от *хтонической* мифологии к *патриархатной андроцентричной* мифологии. Были подвергнуты дискриминации Мать, Материя, Земля, София и Мария. Наступило время господства триадического рассудочного западного фаллоцентризма, рабами которого мы только пытаемся перестать быть.

НАСТОЯЩЕЕ хорошо представлено в Проективном словаре переходом от ПОСТ к ПРОТО.

Протоэнциклопедия обеспечивает наш диалог с будущим. Покончит ли postmankind and postwomankind (постчеловечество или протоцивилизация) с половым размножением – решать потомкам. Я бы лично не советовал. Другое дело – изменение способа питания. Углерод и кислород вне организма ничем не лучше и не хуже их же внутри организма. Обмен *вещества* бессмысленен. Вещества нужны лишь в качестве носителей *энергии и информации*. Мне неизвестен запрет на обмен энергией и информацией без разрушения их вещественных носителей (неосуществимая пока мечта вегетарианцев, хотя жизнь растений они почему-то себе разрешают разрушать, что непоследовательно).

Ближайшее будущее – синергия полов и гендеров в масштабах «глокализации».

Между прошлым и будущим – настоящее. Любимый Вами «человек перехода» или, на языке Проективного словаря – потенциалист.

Потенциалиста должно готовить в университете. Если предметно-дисциплинарный университет возник в процессе захвата немецкой классической философией места теологического факультета, то в наше время возникает проблемно-междисциплинарная наука и нужен университет нового типа.

Научно-техническую составляющую даст ФизТех нового типа, гуманитарно-коммуникативную – МедПед. Проблемно-междисциплинарные ФизТехМедПед университеты – вот колыбель «потенциалистов», удерживающих эссенциалистов и экзистенциалистов, феноменологов и трансценденталистов от привычных нулевых игр, обеспечивающих выход их тупика (семиотического, онтологического) в синергию.

Следующий шаг в уточнении темы и проблемы нашего диалога №2: достоинство Проективного словаря связано с *неклассическим* стилем мышления; аналогом квантово-волнового дуализма является противопоставление двух полюсов – фаллоцентризма и вагиноколлоцентризма (ФЛЦ и ВКЦ).

Можно даже уточнить: если мужской стиль мышления носит преимущественно асимметричный, левополушарный характер, и его доминанта может быть обозначена как дискретная последовательность во времени причин и следствий, в том числе последовательность их упоминаний в речи при чтении слева направо, то женский стиль мышления носит симметричный характер, обработка слов и образов опирается на их многозначность как достоинство, поэтому женщины подобно китайцам исходят скорее не из прослеживания детерминистических цепочек во времени, сколько из целостной, синхронистической, голографической картины ситуации. То есть ФЛЦ напоминает дискретный характер частиц, ВКЦ – континуальный характер волн. Следовательно, проблема стоит та же, что в неклассической физике: пользоваться в зависимости от типа проблемной ситуации то волновым описанием, то дискретным, не забывая, что это противоположные предметы, выделенные моделями в одном и том же объекте.

Но Проективный словарь, как мне кажется, не дотягивает до *постнеклассического* идеала, тем более до идеала, который я вынужден за неимением подходящего термина обозначить как метаклассический (идеал сосуществования и диалога мышления доклассического, классического, неклассического в смысле В.Степина).

Так как популярность термина «постнеклассическое» уже плюралистически размывает его определенность, я уточню, в каком значении буду его употреблять я. Классические и неклассические тексты становятся постнеклассическими дискурсами, когда они сопровождаются ИНДЕКСАМИ, указателями типа адресатов и адресантов этих текстов, а также характера проблем, для решения которых эти тексты и предназначены.

Невербальное мышление изредка бывает предметом философской рефлексии и лишь в порядке экзотики – средством философской рефлексии.

Уже знак пробела – не слово, поэтому ему и места нет в Словаре. Конечно, он служит знаком словораздела, но его функции универсальнее – пробел вообще делает письменную речь членораздельной (и появился он в письменной речи не сразу; словоразделы в текст «Слова о полку Игореве» были внесены позже и поэтому являются постоянным предметом споров между текстологами).

Но вместе с тем частотность – необходимый признак философской категории, но недостаточный. Пробел может быть материалом философской рефлексии, но не ее средством. Философской категорией пробел станет тогда, когда он станет средством «мышления о мышлении». Слова, которыми может быть обозначен пробел – пауза, молчание, «нулевой знак» (Р.Якобсон). То есть в «Очерках по антропологии молчания» К.А.Богданова слово «молчание», обозначающее паузу, пробел, нулевой знак функционирует именно как философская категория. Правда, остается вопрос, который я могу задать с помощью Проективного философского словаря: у Богданова речь идет о фаллоцентрическом мышлении или о вагиноцентрическом переживании? Но к этому вопросу я вернусь в конце диалога.

Но так как пробел (который может быть обозначен словом, но словом не является, подобно тому, как слово «стол» не является столом) выводит нас за границы жанра Словаря, обозначим жанр иначе, в духе «Энциклопедии символов». Слова – самый распространенный, но не единственный вид символов. Если воспользоваться прагматической классификацией знаков Пирса-Якобсона, то нужно рассмотреть в качестве кандидатов в ФК не только слова-символы (условно смежные с обозначаемым), но также иконы (фактически сходные с обозначаемыми), индексы (фактически смежные с обозначаемым) и ритмы (условно сходные).

Пример иконических знаков – графические изображения Инь-Ян в древнекитайской философии: черты (прерывная Инь и непрерывная Ян), с помощью которых

построены гексаграмма И-цзин, обозначение Ян окружностью и Инь квадратом, две вписанных в окружность «запятых» с теми же значениями. Это широко распространенные на Востоке мандалы, выполняющие роль картины мира. Это пятичастный крест как картина мира, описанный на материале древних индуисткой, китайской и греческой мифологии и философии Лукьяновым в книге «Истоки Дао».

Пример индексов, указателей, особенно указателей адресатов и адресантов философских дискурсов – имена собственные (Платон и платонизм, Кант и неокантианцы, Маркс и марксисты), местоимения (Ты и Я в западной традиции, Они и Мы в отечественной). В центр внимания они попали в период различения неклассической и постнеклассической науки.

И, вероятно, самый трудный вопрос: а могут ли ритмы быть средством мышления о мышлении (позже мы поговорим о «мышлении о переживании» и о «переживании мышления» в связи с философской категорией «срединная культура диалога»).

Могут. Литературоведы давно исследуют ритмы в поэзии («Ритм как диалектика» А.Белого), музыковеды – в музыке. Начались пока еще не очень убедительные поиски путей исследования ритмов в прозе.

Оставим пока в стороне тот факт, что античную философию и поэзию делали люди одного типа – перекасти-поле. И что первые философские тексты и в индийской, и в китайской, и в греческой традиции относились по жанру к поэзии (эпической, лирической или драматической).

И в философии Нового времени громадную роль играют драма («Гамлет»), поэма («Фауст»), лирика (жанр «Памятника» А.С.Пушкина), интеллектуальный роман (Достоевский, Фрейд), прозаический эпос («Война и мир»).

Так, Белый выстроил ритмические кривые, представляющие отношение вариаций ямба в каждой строке «Медного всадника», к ритму поэмы в целом. Оказалось, что на этой кривой нижние точки связаны с категорией «окаменения», а верхние – с категорией бунта против него.

Метафора Петербурга давно стала философской категорией в философии русской идеи, оружием то в руках западников против почвенников, то в руках почвенников и державников против западников.

Для демонстрации идеи стереодискурсивной статьи «андрогинизация» этого достаточно.

Итог. Я за институционализацию антропологии. Но в этой системе самое главное – отсутствующая в ней альтернативная, дополняющая идея – андрогинизации институтов.

Литература

1. *Бем С.Л.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М., 2004.
2. Введение в гендерные исследования. Ч.1. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.
3. *Гуленко В., Тыщенко В.* Юнг в школе. Соционика – межвозрастной педагогике. – М.: Совершенство; Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997.
4. Проективный философский словарь / Под ред. Г.Л.Тульчинского и М.Н.Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003.
5. *Розанов В.В.* Люди лунного света: Метафизика христианства. – М., 1990.
6. *Суковатая В.А.* Сайбер-феминизм на пространствах Интернета // Человек. – 2006. – №1.
7. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. – М., 1965.